

15. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Pozdnyy Ellinism [The History of Classical Aesthetic. The period of Hellenism]*. Kharkov, Folio Publ., Moscow, AST Publ., 2000. 960 p. (In Russ.).
16. Platon. *Sobranie sochineniy: v 4 t. [Plato. Works: in 4 volumes]*. Moscow, Mysl' Publ., 1990, vol. 1. 860 p. (In Russ.).
17. Platon. *Sobranie sochineniy: v 4 t. [Plato. Works: in 4 volumes]*. Moscow, Mysl' Publ., 1993, vol. 2. 528 p. (In Russ.).
18. Platon. *Sobranie sochineniy: v 4 t. [Plato. Works: in 4 volumes]*. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 3. 654 p. (In Russ.).
19. Platon. *Zakony [Plato. The Laws]*. Moscow, Mysl' Publ., 1999. 832 p. (In Russ.).
20. Plotin. *Shestaya enneada. Traktaty VI-IX [Plotinus. The Sixth Ennead. Essays VI-IX]*. St. Peterburg, Izdatelstvo Olega Abyshko Publ., 2005. 416 p. (In Russ.).
21. Prokl. *Platonovskaya teologiya [Proclus. Platonic Theology]*. St. Petersburg, Russian Christian Institut for the Humanities Publ., IDT "Letniy Sad" Publ., 2001. 623 p. (In Russ.).
22. Feerbakh L. *Sochineniya: v 2 t. [Feuerbach L. Works: in 2 volumes]*. Moscow, Nauka Publ., 1995, vol. 2. 425 p. (In Russ.).
23. *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Ch. 1. Ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki [Fragments of Early Greek Philosophers. Part 1. From epic to cosmology before the emergence of atomic theory]*. Executive editor I.D. Rodzhanskiy. Moscow, Nauka Publ., 1989. 576 p. (In Russ.).
24. Sheynman-Topshteyn S.Ya. *Platon i vediyanskaya filosofiya [Plato and Vedic Philosophy]*. Moscow, Librocom Publ., 2010. 200 p. (In Russ.).
25. Shpengler O. *Zakat Evropy: v 2 t. [The Decline of the West: in 2 volumes]*. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaya izdatel'skaya firma Publ., 1993, vol. 1. 592 p. (In Russ.).

УДК 811.161.1'1

ФРОНТОВОЙ ЭПИСТОЛЯРИЙ КАК ИСТОЧНИК РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Антипов Александр Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и русского языка, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).
E-mail: sante3@yandex.ru

Рыбникова Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой литературы и русского языка, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ).
E-mail: ree-elena@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности языка и стиля писем времен Великой Отечественной войны. Цель статьи – описать фронтовой эпистолярный в лингвокультурологическом аспекте, в связи с чем и определяются задачи лингвокультурологического описания фронтового эпистолярного как объекта современной функциональной лингвистики. Актуальность статьи заключается в том, что авторами впервые предложена комплексная методика изучения этого уникального языкового материала, которая позволяет разноаспектно проанализировать и состояние письменной речевой культуры в этот сложный и трагический период нашей истории, и прочувствовать психологическое состояние героев Кузбасса, понять, что определяло их духовную сущность. В качестве источника исследования не случайно выбраны фронтовые письма кузбассовцев, поскольку, помимо лингвокультурологической информации, они несут духовно-нравственное начало, особо свойственное войнам-сибирякам, а также дают возможность проследить динамику разных уровней русского языка на конкретном временном отрезке. В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу, что фронтовой эпистолярный является бесценным источником для изучения состояния языковой нормы русского языка середины двадцатого века и очень важен и интересен как стилистический, жанровый и ортологический феномен.

Ключевые слова: русская лингвокультурология, фронтовой эпистолярный, эпистолярный дискурс, лингвостилистические нормы.

FRONTLINE EPISTOLARY AS A SOURCE OF RUSSIAN LINGUOCULTURE

Antipov Aleksandr Gennadyevich, Dr of Philological Sciences, Professor, Professor of Department of Literature and Russian Language, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: sante3@yandex.ru

Rybnikova Elena Evgenyevna, PhD in Philology, Associate Professor, Department Chair of Literature and Russian Language, Kemerovo State University of Culture (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ree-elena@yandex.ru

The article features the language and style of letters from the front of the Great Patriotic War. Defining the objectives of linguacultural description of the frontline epistolary regional studies and its value as an object of modern functional linguistics. The purpose of this article is to describe frontline epistolary in linguistic and cultural aspect, and define the tasks of the linguistic and cultural descriptions of the front epistolary as an object of modern functional linguistics. The relevance of the article is that the authors first proposed a comprehensive methodology for the study of this unique linguistic material, which allows analysis in different aspects to perform as a written speech culture in this complex and tragic period of our history and to experience the psychological state of the characters in Kuzbass, to understand what determined their spiritual essence. As the source studies were not randomly selected letters from Kuzbass, since in addition to linguistic and cultural information, they are spiritual and moral, particularly characteristic of Siberians in war and gives the opportunity to trace the dynamics of different levels of the Russian language on a specific time interval. In the study, the authors came to the conclusion that the frontline epistolary is an invaluable source for the study of linguistic norms of the Russian language of the mid-twentieth century is very important and interesting from the point of view of functional stylistics, Russian genre studies within the context, discourse and psycholinguistic directions in the study of the Russian text, as well as ontologic phenomenon.

Keywords: Russian cultural linguistics, front epistolary, epistolary discourse, linguastilistic standards.

Семейный архив как полидискурсивное пространство имеет давние традиции исследования, однако в аспекте лингвокультурологии этот объект русистики еще требует своего обоснования. Актуальность этого особого пространства отражения и формирования норм языка и культуры определенной эпохи уникальна. Мы уже писали о семейном архиве как источнике комплексного разноаспектного анализа языка времен Великой Отечественной войны [1; 2; 5].

В границах этой статьи попытаемся представить возможные аспекты исследования фронтального эпистолярного источника и объекта русской лингвокультуры военных лет.

Само понятие русской лингвокультуры не может не определять рамки научной картины мира и онтологической [3]. Поэтому для данной статьи нами избрано направление размышлений, которое связывают обычно с системной семиотикой в русской ее традиции – традиции Бодуэна и Потемкина. Те аспекты, которые обозначаются нами, не являются аспектами по сути – это лишь

возможные линии исследования русской лингвокультуры в контексте личных произведений создателей русского языка. (Следует отметить, что, используя терминопонятие «лингвокультура» и родственные ему, мы опираемся на представления русской филологии о речевой культуре народа, страны, государства).

Не углубляясь в проблему историко-лингвистической оценки языка и речи того периода, все же отметим, что созданный в это время народный культурно-речевой эталон (наряду с парадно-кафедральным, трибунным) позволил сохранить традиции русской художественной культуры эпохи Пушкина. Главную нормализаторскую роль, судя по хранящимся в Кемеровском архиве письма с фронта (см., например, [4]), сыграли уроки русской словесности, русская живопись, советский кинематограф, язык радио и газет, через которые народные речевые формы соотносились и с новоязом, и с поэтическим языком русской классики. Через эти культурные традиции и знаки шло формирование особого письменного жанра тех

военных лет – писем с фронта, его кодификация как особого медитативного пространства письменной речи военного времени.

Как источник исследования письменной речевой лингвокультуры, фронтовой эпистолярный можно представить в следующих дискурсивных и стилистических плоскостях исследования русского текста.

Лингвокультурное текстовое пространство фронтового эпистолярия представляет собой источник формирования коммуникативных и иных норм эпистолярного дискурса. В традиционном дискурсивном контексте русской стилистики этот источник русской лингвокультуры интересен и важен как стилистический, жанровый и ортологический феномен.

1. Система функциональных стилей русского языка середины XX века служит одним из контекстов описания фронтовых писем, основной коммуникативной системой формирования и реализации языковых норм.

2. Жанровые особенности писем с фронта необходимы для описания лингвокультурной динамики тех трансформаций сознания или мышления, которые интерпретируют действительность в основных концептно-знаковых уровнях текста.

3. Область кодифицированной нормы выступает в качестве особой зоны исследования речевого эталона в тексте писем (включая стратификационные фрагменты текста, семантические блоки и ассоциативные части, репрезентирующие тот или иной тип национальной речевой культуры).

Данные направления изучения языка и стиля фронтовых писем важны в свете своей духовной составляющей. Эти знаки военной эпохи требуют комплексного системного описания в лингвокультурологическом направлении их интерпретации.

Лингвокультурология выступает в качестве одной из сфер комплексной системной интерпретации фронтового эпистолярия. В ее рамках текст фронтового письма предстает как знак героических и трагических событий истории государства. В то же время обращение к фронтовому письму как памятнику языка и истории в аспекте описания русской лингвокультуры важен потому, что язык отражает реальность или интерпретирует ее, создавая особую сферу жизни, в которой живет человек, переживает и посредством языка передает свое видение происходящих событий.

Фронтовой эпистолярный как объект современной русской лингвокультурологии связан с другими объектами русской речевой культуры. Это раскрывает системные связи лингвокультурологии русского фронтового письма с русской диалектологией, функциональной стилистикой, русским жанроведением, современной культурой речи, дискурсивными и психолингвистическими направлениями исследования русского текста.

Лингвокультурологическое пространство писем с фронта представляет собой дискурсивное медитативное образование, личностное в стилистическом плане текста: за каждым текстом стоит личность, носитель языка и сознания, создатель культуры и истории народа. Так, в аспекте функционирования языковых средств выражения индивидуальной языковой личности фронтовые письма героев Кузбасса предстают как текстовое пространство реализации своеобразных стилей фронтовиков-кузбассовцев, которые могут быть сведены к уровневой модели языковой личности (определяемой нами в соответствии с концепцией Ю. Н. Караулова).

Основные результаты описания связаны с разработкой положений теории частного письма как источника лингвистической антропологии. Это предполагает рассмотрение проблемы языковой репрезентации личности фронтовиков в текстовом материале писем, обеспечивающим доступ к смысловым структурам текста, а через них – к языковым и коммуникативным моделям фронтового эпистолярия как знака русской речевой культуры.

Концептуальные и знаковые уровни писем с фронта отражаются нами последовательно в соответствии с общей филологической интерпретацией и задачами лингвокультурологического описания лексического, морфологического, синтаксического уровней эпистолярия, его дискурсивно-стилистической медитативности, репрезентированной в системе языковых средств отображения военного времени русской истории (пример этой модели описания писем можно увидеть в [2; 5]).

Лексический уровень писем – самый богатый и насыщенный. Он представлен различными пластами лексики, образными средствами выразительности, устойчивыми оборотами речи.

Многообразие средств лексического выражения репрезентировано прежде всего разговорной лексикой, характеризующей сферу функционирования лексем (обиходно-бытовая) и характер взаимоотношений адресата и адресантов (родственные отношения): *папа, тетя, обед, бабушка, пошлет, баня, штаны, кучи, сковородки, горшки, крытые тесом вышки, мясо, печка и др.* Встречаются и просторечные элементы: *хата, подстилка, печка, нынче и др.*

Представлена в письмах лексико-семантическая группа военной лексики: *фронт, обмундирование, ефрейтор, батарея, передовая линия фронта, гвардейский, снаряды, артналет, рубеж, дивизион* и др. Но необходимо отметить, что лексемы данной тематической группы встречаются в тексте писем не очень часто, несмотря на то что адресант находится в военной обстановке.

Одной из ярких стилистических черт автора фронтового письма является употребление оценочной лексики. В письмах оценка передается посредством вводных слов и словосочетаний, которые придают всему предложению определенную коннотацию, смысловой оттенок, либо оценка заложена в семантике самого слова и строится по антонимичной модели «хорошо» и «плохо»: *Пища тоже хорошая: мясные консервы, жирная каша, и вкусный суп или лапша; Плохо написал письмо: очень плохое перо и страшно неудобное место. Но, к счастью, все остались живы и здоровы. Что вы нынче не будете держать корову – это очень плохо. Есть яблоки и вишни, но, к сожалению, только одни деревья, плоды же оборвали еще зелеными немецкие солдаты. Я пока живу хорошо: обут и одет тепло, питаюсь хорошо.* Показательно, что оценочные суждения связаны с действиями самого адресанта либо с условиями жизни его родных. Оценка политической ситуации, деятельности правительства, командующих офицеров в текстах не представлена. Скорее всего, это объясняется особым режимом военного времени и наличием жесткой цензуры на частную переписку.

Авторы писем активно используют изобразительно-выразительные средства языка. Ср., например, эпитеты: *Свежий морской ветер радостно развивает полотнище красного флага; жаркие бои, сильный огонь, толстая крыша, высокие,*

тучные хлеба и др. Использование образных единиц позволяет наиболее точно описывать окружающую действительность, передавать внутреннее эмоциональное состояние: *Рига ждала нас! Приодевшиися, взволнованные рижане, веселыми и радостными криками встречали проходившие войска. ...Наступила зима; свистят снаряды; погода освежает и поднимает настроение; не гремят пушки, не рвутся снаряды; снаряд разбросал всю землю, исципал бревна наката.*

На морфологической уровне представлены разнообразные части речи: существительные разных номинативных сфер, полные и краткие прилагательные (*красива, хороша, жив, здоров, невредим; страшную, жестокою, кровавую; огненный; теплые, солнечные, весенние*), причастия (*обут и одет, ранен, невредим*), наречия (*мало, много, прохладно, сыро, темно, долго*), глаголы совершенного и несовершенного вида (*занимались, помогаю, устраиваю, подумаете, успокаиваю, пришел приказ, подняли, остригли, вымыли в бане и т. д.*), повелительного наклонения (*пишите больше, передай мой горячий привет*) и др.

Синтаксический строй писем представлен сочетанием различных типов текста: повествование, описание, рассуждение. Это подтверждается и наличием в текстах писем характерных для них частей речи. Ср.: *Дня четыре назад получил от вас письмо, но ответить на них собрался только сейчас, потому что не было времени. Мы сейчас находимся на отдыхе, километрах в двадцати от передовой. Стоим в большом лесу, работаем, обедаем и спим под открытым небом. Но все-таки этому отдыху никто не рад. Скорее, можно было назвать отдыхом то время, когда мы находились на передовой. Здесь начались опять занятия, различные работы. Лучшие здесь только тем, что не грозит ежеминутно опасность смерти* (повествование и рассуждение). *Землянка наша маленькая, похожа на погреб, с толстой крышей. В ней прохладно, сыро, темно. На одной стороне повешены наши котелки, винтовки, ранцы, планшет. К другой стене приделаны нары* (описание).

Особенностью синтаксиса писем является использование широкого диапазона синтаксических конструкций. В текстах писем представлены простые предложения, осложненные вводными словами и словосочетаниями, – например:

Но, к сожалению, письма я получаю очень редко. ...А он, глядишь, разорвется где-нибудь далеко-далеко. Жить в Риге я буду, наверное, довольно долго и поэтому ознакомлюсь с ней очень хорошо. Папа и мама, вы, может быть, не поверите в то, что я вам написал, что это я вас только успокаиваю, но я даю вам честное слово, что все это правда. К счастью, все живы и здоровы. Может быть, еще вернусь и мы увидимся. Использование большого количества вводных слов и конструкций говорит о некоторой концентрации мыслей говорящего на своем внутреннем мире, своих переживаниях. Авторы стремятся описать ситуацию через призму собственного чувственного восприятия, эмоционального состояния. Кроме того, внутренняя концентрация на себе, выраженная вводными словами и словосочетаниями, уравновешивается постоянными просьбами к родным написать о мирной жизни, желанием автора быть посвященным во все домашние дела и заботы.

Простые предложения, осложненные обособленными членами предложения, также частотны в прагматической функции: *Очень рад и благодарен тебе за твое письмо, написанное перед новым годом. Я вообще здесь очень рад письмам, присланным мне. Свежий морской ветер радостно развивает полотнище красного флага, вывешенного на одном из высоких зданий.* Ср. также примеры осложнения однородными членами и обращениями: *Сейчас стоят теплые, солнечные, весенние дни. Галина, ты мне напиши, какая там елка была около горсада. Ты спрашиваешь, Галина, попал ли со мной кто-нибудь из кемеровских знакомых ребят?* В каждом письме присутствует обращение к адресанту как этикетная форма эпистолярного текста.

Используются и сложные предложения с разными видами придаточных: *В этом письме я вам хочу передать большое-большое спасибо за посланную вам посылку, правда, я ее еще не получил, но, думаю, раз вы ее послали, то я ее обязательно получу.* Отличительной особенностью писем является употребление конструкций описательного и повествовательного типа, цель которых – как можно ярче, красочней описать окружающую действительность и быт солдат. Необходимо отметить, что описание боевых действий практически отсутствует. Незначительные фрагменты

описания боев представлены только через призму чувств и эмоций, которые вызвали эти события в сознании и душе автора. Например: *А как красива сама Рига, как хороша архитектура старинных и новых зданий, как выразительно и живо смотрят на нас различные бюсты, статуэтки и памятники, и кажется: они тоже рады нашему приходу, приветствуют нас. Землянка наша маленькая, похожа на погреб, с толстой крышей, чтобы не пробило снарядом. В ней прохладно, и сыро, и темно. На одной стене повешены наши котелки, винтовки, ранцы, планшет. К другой стене приделаны нары. Я хожу по полям сражений с гранатой за поясом и с карандашом в руке. Хожу и смотрю удивленными глазами. Вижу войну, страшную, кровавую.*

В дискурсивном аспекте лингвостилистика писем позволяет определять границы личного эпистолярного жанра как гипержанра, включающего совокупность речевых жанров (если следовать концепции К. Ф. Седова).

С точки зрения представленности в письмах классических конвенциональных норм написания письма выделяются следующие речевые жанры:

1. Этикетные речевые жанры. РЖ «начальное обращение». Например: *Здравствуй, Галина! Здравствуйте, папа, мама и Галина. Шлю вам горячий привет.* РЖ «конечный сегмент этикетного типа» (РЖ пожелания, РЖ установки на получение ответа, РЖ подпись, ритуальные РЖ, РЖ этикетно-риторического вопроса). Например: *Ну, вот пока и все, жду писем от вас, что-то редко я их получаю, наверное, потому, что очень большое расстояние разделяет меня с вами. Давайте мой горячий привет всем родным и знакомым.* В этом контексте проявляется установка на написание ответа, объективное объяснение, почему письма приходят так редко. Внутритекстовые РЖ (РЖ комплимента, РЖ внутреннего обращения, РЖ благодарности, РЖ извинения): *Я вас очень прошу только не беспокойте обо мне и не расстраивайтесь. Папа, не обижайтесь, что я плохо написал письмо: очень плохое перо и страшно неудобное место. Самый большой, самый горячий, с горячей благодарностью за посылку, привет маме.*

2. Оценочные речевые жанры: по характеру оценивания – РЖ отрицательной оценки (упрек,

критика, добродушная насмешка, ирония, выговор, обвинение, сплетня, ссора, осуждение, протест, спор) и РЖ положительной оценки (похвала, согласие, одобрение). Например: *Не выполняешь ты своего обещания писать много и часто.*

3. Императивные речевые жанры (просьба, совет, мольба, призыв, требование, предложение). Например: *Пишите больше вы о себе. Передай мой горячий привет Плотникову Павлу, Цибульскому Василию, Кротовой Нине, Сергеевой Шуре. И сама пиши больше писем.* Поскольку в письмах отражаются определенные цели и мотивы, то особый интерес представляют стратегии и речевые ходы, применяемые адресантом для реализации коммуникативных интенций. Без анализа мотивов речевого поведения невозможно до конца понять смысл высказывания. В письмах отмечено употребление семантических и прагматических ходов, позволяющих автору избежать формулировок частных суждений, перевести их в более общие, общепризнанные и тем самым избежать оценки: *Как услышишь свист, кажется прямо, на тебя летит, так и падаешь скорей на землю. А он, глядишь, разорвется где-нибудь далеко-далеко.* Также отмечена стратегия самопрезентации, реализованная в демонстрации понимания и терпимости, которая помогает аннулировать отрицательные выводы: *Ну, вот пока и все, жду писем от вас, что-то редко я их получаю, наверно потому, что очень большое расстояние разделяет меня с вами. Передавайте мой горячий привет всем родным и знакомым.* Показательной является применение в коммуникативной ситуации тактики самовозвеличивания, заключающейся в том, чтобы привлечь внимание адресата к тем сторонам личности автора, которые помогут сформировать выгодный ему образ и осуществить определенное воздействие на читателя. Анализ писем показал, что такая тактика речевого воздействия адресантом не была использована. Но отмечена тактика самоуничижения, которая реализуется через прием извинения за некачественно написанное письмо: *Плохо написал письмо: очень плохое перо и страшно неудобное место.* Речевое воздействие автор осуществляет эксплицитно. Его целью является побуждение адресата к действию. Она реализуется посредством просьб писать больше и как можно чаще: *Пиши мне каждый вечер. Передай*

привет всем родным и знакомым. Прошу вас отвечать мне как можно чаще.

В ортологическом аспекте лингвокультурологии тексты писем отражают элитарный тип русской речевой культуры середины XX века: свободное владение всем арсеналом лексических, морфологических, синтаксических средств текста свидетельствует не только об уровне образованности, но и о богатом внутреннем мире, развитом интеллекте и творческом потенциале авторов. В письмах лаконично сочетаются разговорные и художественные элементы, присутствуют разные жанровые типы текстов, представленные соответствующими композиционными частями и элементами синтаксической организации письменной речи.

Все ипостаси автора писем позволяют осознавать, что чувствовали люди в то страшное время, что волновало их в первую очередь, что определяло их духовную сущность и что помогло им выстоять и победить. Языковая личность автора фронтового письма вступает в коммуникацию как многоаспектная, и это соотносится со стратегиями и тактиками речевого общения, с социальными и психологическими ролями коммуникантов, культурными смыслами информации, включенными в коммуникацию.

Через дискурс языковой личности формируется интегральный образ фронтовой реальности, которая запечатлевается в тексте в метафорах, сравнениях, устойчивых сочетаниях, эмоционально-окрашенной лексике. Текстовый уровень писем отображает духовный мир человека, он напрямую связан с культурой, поскольку хранит информацию об истории, о национальной психологии и национальном поведении.

Лингвокультурология фронтового эпистолярия является источником информации и о речевой культуре середины XX века: отношение к родному языку было трепетное, и даже в экстремальной ситуации, когда жизнь висела на волоске, авторы писем старались соблюдать и этикетность, и нормы орфографии и пунктуации. Поэтому тексты военных писем имеют огромное значение для исследования динамики русской языковой нормы, предоставляя данные о языке фронтовиков в широком контексте языковой ситуации в ее сопоставлении с современной письменной речевой культурой.

Литература

1. Антипов А. Г., Рыбникова Е. Е. Фронтовой эпистолярный как объект лингвистического исследования (на мат-ле семейных архивов, хранящихся в ГКУ КО «Государственный архив Кемеровской области») // Архивы Кузбасса: информ.-метод. и ист.-краевед. бюл. – Кемерово, 2012. – № 1(16). – С. 206–209.
2. Антипов А. Г., Прищепа О. Н., Рыбникова Е. Е. Языковая личность фронтовиков-кузбассовцев (на мат-ле фронтového эпистолярия) // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сиб. лингвоперсонология. – М.: УРСС, 2016 – 424 с.
3. Балабанов П. И., Зауэрвайн Л. Т. О методологических особенностях культурологического исследования // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2016. – № 35. – С. 13–17.
4. Непридуманные рассказы о войне: сб. документ. мат-лов. – Кемерово: КРИПКиПРО, 2012. – 269 с.
5. Прищепа О. Н. Фронтовой эпистолярный и его роль в формировании духовно-нравственных качеств современной молодежи (инновационный подход к анализу языковой личности) // Инновационный конвент «Кузбасс: образование, наука, инновации». – Кемерово, 2012. – С. 276–279.

References

1. Antipov A.G., Rybnikova E.E. Frontovoy epistolyariy kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya (na materiale semeynykh arkhivov, khranyashchikhsya v GКУ КО "Gosudarstvennyy arkhiv Kemerovskoy oblasti") [Frontline epistolary as an object of linguistic research (based on family archives stored in the CCU to the "State Archives of the Kemerovo region)"]. *Arkhivy Kuzbassa: informatsionno-metodicheskiy i istoriko-kraevedcheskiy byulleten'* [Archives Kuzbass: Information and methodological and Local History newsletter]. Kemerovo, 2012, no. 1 (16), pp 206-209. (In Russ.).
2. Antipov A.G., Prishchepa O.N., Rybnikova E.E. Yazykovaya lichnost' frontovikov-kuzbassovtsev (na materiale frontovogo epistolyariya) [Linguistic personality soldiers-Kuzbass (based on the front-line epistolary)]. *Yazykovaya lichnost': modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaya lingvopersonologiya* [Linguistic personality: modeling, typology, portraiture. Siberian lingvopersonologiya], Moscow, URSS Publ., 2016. 424 p. (In Russ.).
3. Balabanov P.I., Zauervayn L.T. O metodologicheskikh osobennostyakh kul'turologicheskogo issledovaniya [About the Methodological Features of Culturological Research]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts], 2016, no. 29, pp. 13-17. (In Russ.).
4. *Nepriumannye rasskazy o voyne: sbornik dokumental'nykh materialov* [Non-Invented stories about war: Collection of documentary materials]. Kemerovo, Univ KРИПКиПРО Publ., 2012. 269 p. (In Russ.).
5. Prishchepa O.N. Frontovoy epistolyariy i ego rol' v formirovaniy dukhovno-nravstvennykh kachestv sovremennoy molodezhi (innovatsionnyy podkhod k analizu yazykovoy lichnosti) [Frontline epistolary and his role in shaping the spiritual and moral qualities of modern youth (innovative approach to the analysis of the linguistic identity)]. *Innovatsionnyy konvent "Kuzbass: obrazovanie, nauka, innovatsii"* [Innovation Convention "Kuzbass: education, science and innovation"]. Kemerovo, 2012, pp. 276-279. (In Russ.).

УДК 130.2

ПОТЕНЦИАЛ ГЕНДЕРНОГО ДИСКУРСА В ОСМЫСЛЕНИИ СЕМЬИ

Волкова Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный институт культуры (г. Кемерово, РФ). E-mail: tatyanaolkowa@yandex.ru

В статье обобщаются результаты научных исследований современной семьи на основе гендерного подхода с целью выделения методологических возможностей последнего, расширяющих познавательные горизонты современного гуманитарного знания. Отмечено, что подобного рода исследования позволяют выявлять, оценивать и прогнозировать последствия изменений для семьи и гендерных отношений в обществе, осуществлять долгосрочное, перспективное планирование на всех уровнях общественной системы. Автором выделены различные пути применения гендерной парадигмы: традиционный (направленный на устранение гендерного неравенства в базовых отраслях деятельности;